

Максим Горький

Товарищи

Максим Горький

Товарищи

«Public Domain»

1895

Горький М.

Товарищи / М. Горький — «Public Domain», 1895

Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1897, номер 5, 6 января; номер 7, 8 января, под заглавием «Старые товарищи (Эпизод)». Рассказ написан в 1895 году. Дата написания «1897», под которой рассказ печатался в собраниях сочинений, изданных товариществом «Знание», исправлена М. Горьким на «1895» при подготовке издания сочинений в 1923 году. Включалось во все собрания сочинений. Печатается по тексту, подготовленному М. Горьким для собрания сочинений в издании «Книга».

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

I

Горячее солнце июля ослепительно блестело над Смолкиной, обливая её старые избы щедрым потоком ярких лучей. Особенно много солнца было на крыше старостиной избы, недавно перекрытой заново гладко выстроганным тёсом, жёлтым и пахучим. Воскресенье, и почти все люди вышли на улицу, густо поросшую травой, усеянную кочками засохшей грязи. Перед Старостиной избой собралась большая группа мужиков и баб: иные сидели на завалине избы, иные прямо на земле, другие стояли; среди них гонялись друг за другом ребяташки, то и дело получая от взрослых сердитые окрики и щелчки.

Центром толпы служил высокий человек с большими, опущенными вниз усами. По его коричневому лицу, покрытому густой сивой щетиной и сетью глубоких морщин, по седым кло-чьям волос, выбившимся из-под грязной соломенной шляпы, – этому человеку можно было дать лет пятьдесят. Он смотрел в землю, и ноздри его большого хрящеватого носа вздрагивали, а когда он поднимал голову, бросая взгляд на окна старостиной избы, видны были его глаза, большие, печальные, – они глубоко ввалились в орбиты, а густые брови кидали от себя тень на тёмные зрачки. Одет он был в коричневый, рваный подрясник монастырского послушника, едва закрывавший ему колени и подпоясанный верёвкой. За спиной у него котомка, в правой руке длинная палка с железным наконечником, левую он держал за пазухой. Окружавшие осматривали его подозрительно, насмешливо, с презрением и, наконец, с явной радостью, что им удалось поймать волка раньше, чем он успел нанести вред их стаду.

Он проходил через деревню и, подойдя к окну старосты, попросил напиток. Староста дал ему квасу и заговорил с ним. Но прохожий отвечал, против обыкновения странников, очень неохотно. Староста спросил у него документ, документа не оказалось. И прохожего задержали, решив отправить в волость. Староста выбрал в конвоиры ему сотского и теперь, в избе у себя, напутствовал его, оставив арестанта среди толпы, – она грубо потешалась над ним.

Но вот на крыльце избы явился подслеповатый старик с лисьим лицом и седой, клинообразной бородкой. Он степенно опускал ноги в сапогах со ступени на ступень, и круглый его животик солидно колыбался под длинной ситцевой рубахой. А из-за его плеча высывалось бородатое четырёхугольное лицо сотского.

– Понял, Ефимушка? – спросил староста у сотского.

– Чего тут не понять? Всё понял. Обязан, значит, я проводить этого человека к становому и – больше никаких! – Проговорив свою речь раздельно и с комической важностью, сотский подмигнул публике.

– А бумага?

– А бумага, – она за пазухой у меня живёт.

– Ну, то-то! – вразумительно сказал староста и добавил, крепко почесав себе бок:

– С богом, значит, айдате!

– Пошли! Шагаем, что ли, отче? – улыбнулся сотский арестанту.

– Вы бы хоть подводу дали, – глухо ответил тот на предложение сотского. Староста ухмыльнулся.

– Подво-оду? Ишь ты! Вашего брата, проходимца, много тут шныряет по полям, по деревням... лошадей про всех не хватит. Прошагаешь и пехтурой.

– Ничего, отец, идём! – ободряюще заговорил сотский. – Ты думаешь, далече нам? Дай бог, два десятка вёрст! Мы с тобой, отче, живо докатим. А там ты и отдохнёшь...

– В холодной, – пояснил староста.

– Это ничего, – торопливо заявил сотский, – человеку, который ежели устал, и в тюрьме отдых. А потом – холодная-то – она прохладная, – после жаркого дня в ней куда хорошо!

Арестант сурово оглянул своего конвоира – тот улыбался весело и открыто.

- Ну-ка, айда, отец честной! Прощай, Василь Гаврилыч! Пошли!
- С господом, Ефимушка!.. Смотри в оба.
- А зри – в три! – подкинул сотскому какой-то молодой парень из толпы.
- Н-ну! Малый я ребёнок, али что?

И они пошли, держась близко к избам, чтобы идти по полосе тени. Человек в рясе шёл впереди, развинченной, но спорой походкой привычного к ходьбе. Сотский, со здоровой палкой в руке, сзади него.

Ефимушка был мужичок низенького роста, коренастый, с широким добрым лицом в раме русой, свалывшейся в ключья бороды, начинавшейся от его серых ясных глаз. Он всегда почти улыбался чему-то, показывая жёлтые зубы и так наморщивая переносье, точно он хотел чихнуть. Одет он был в азам, заткнув его полы за пояс, чтоб они не путались в ногах, на голове у него торчал тёмно-зелёный картуз без козырька, напоминая арестантскую фуражку.

Шли они по узкой просёлочной дороге; она व्यюном вилась в волнистом море ржи, и тени путников ползли по золоту колосьев.

На горизонте синела грива леса, влево, бесконечно далеко вглубь, расстилались засеянные поля; среди них лежало тёмное пятно деревни, за ней опять поля, тонувшие в голубоватой мгле.

Справа, из-за купы вётел, вонзился в синее небо обитый жестью и ещё не выкрашенный шпиль колокольни – он так ярко блестел на солнце, что на него было больно смотреть.

В небе звенели жаворонки, во ржи улыбались васильки, и было жарко – почти душно. Из-под ног путников взлетала пыль.

Ефимушка, отхаркнувшись, затянул фальцетом: Ге-эх-да-и с чего-й-то-о-о...

– Не хватаит голосу-то, дуй его горой! Н-да... а бывало, пел я... Вишенский учитель скажет: «Ну-ка, Ефимушка, заводи!» И зальёмся мы с ним! Правильный парень был он...

– Кто он? – глухим басом спросил человек в рясе.

– А вишенский учитель...

– Вишенский – фамилия?

– Вишенки – это, брат, село. А то учитель Павл Михалыч. Первый сорт – человек был.

Помер в третьем году...

– Молодой?

– Тридцати годов не было...

– С чего помер?

– С огорчения, надо полагать.

Собеседник Ефимушки искоса взглянул на него и усмехнулся...

– Дело, видишь ты, милый человек, такое вышло – учил он, учил годов семь кряду, и начал кашлять. Кашлял, кашлял да и затосковал... Ну, а с тоски, известно, начал пить водку. Отец Алексей не любил его, и как запил он, отец-от Алексей в город бумагу и спосылал – так, мол, и так – пьёт учитель-то, это – соблазн. А из города в ответ тоже бумагу прислали и учительшу.

Длинная такая, костлявая, нос большущий. Ну, Павл Михалыч видит – дело швах. Огорчился, дескать, учил я, учил... ах вы, черти! Отправился из училища прямо в больницу да через пять дён и отдал душу богу... Только и всего...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.